

# Категории осуществления субъективных прав в контексте их цифровизации

**Вольфсон Владимир Леонович**

доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, кандидат юридических наук; volfson-vl@ranepa.ru

## АННОТАЦИЯ

Причисление цифровых прав к объектам гражданских прав в ст. 128 ГК, их категоризация в ст. 141.1 Кодекса, допущение смарт-контрактов в ст. 309 и другие итоги цифровой реформы бросили российской цивилистике вызов. В научной среде обсуждаются теоретические и прикладные проблемы, которые видны были еще до того, что было названо «допустимым» законодательным экспериментом. Теперь остается дать оценку его состоятельности. Автор работы обращается к тематике осуществления цифровых прав, прежде всего посредством смарт-контрактов. Именно в правоприменении обнаруживаются критические отличия смарт-контракта от гражданско-правового договора, которые, по мнению автора, не могут быть преодолены расширением представлений о понятии субъективных прав и о принципах договорного права. Автор полагает, что невозможность должной верификации интересов сторон смарт-контрактов, а также лингвистической верификации их воли, выраженной в программном коде, преграждает смарт-контрактам путь в правовую реальность. В цифровых «договорах» не соблюдается принцип договорного равновесия. Свойство самоисполнимости таких договоров, а также их неспособность быть нарушенными являются их фатальным пороком, а вовсе не достоинством. В статье также показано, что те инструменты частного права, которые в прагматических целях обеспечивают относительную необратимость реализации прав, не могут служить оправданием такого режима в договорном праве. Единственный совместимый с принципами права и действительно ценный эффект цифровой реформы — это закрепление в законодательстве цифровых способов фиксации гражданских прав и их осуществления.

**Ключевые слова:** цифровые права, токены, смарт-контракты, осуществление субъективных прав, злоупотребление правом

## Exercise of Civil-Law Rights: Categories in the Context of Their Digitalization

**Vladimir L. Volfson**

Associate Professor of North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; volfson-vl@ranepa.ru, PhD in Jurisprudence;

## ABSTRACT

With digital rights designated to the objects of civil rights in Art. 128 of the Civil Code, Art. 141.1 amended to include their legal definition, and a new wording of Art. 309 introducing 'smart contracts', the digital reform recently enacted in the Russian civil law has seen some major novelties. Needless to say, these accomplishments have challenged Russian civil law theorists. Discussions are underway to resolve both doctrinal and applied issues that had been more than obvious well before the legislative move which, according to one of the opinions, was an 'admissible' experiment. What remains now is to assess its viability. The author of this work set the goal to explore the way digital rights, primarily those that arise from 'smart-contracts', are (or can be) 'exercised'. This is a perspective where a fundamental gap between 'smart-contract' and civil contract emerges. In the author's view, efforts to overcome it by expanding the concept of subjective rights and the principles of contract law will not succeed. Since no proper verification of the interests of the parties to 'smart contracts', which are essentially a computer code, is available, and as the same refers to linguistic verification of their will, there is no way for 'smart contracts' to enter the domain of law. Digital 'contracts' are unapt to honour the principle of contractual equilibrium. The 'self-execution' of these contracts, as well as their inherent inability to be violated, are, if put in the civilistic context, their fatal flaw, and by no means a virtue. The article also shows that though instruments to ensure a relative irreversibility of rights are not unfamiliar to private law, they cannot serve as an excuse for such regime in contract obligations. That fixation of rights and transactions in digital form has become fully enshrined in the civil law is arguably the only compatible with its principles as well as much anticipated impact the digital reform has brought about.

**Keywords:** digital rights, tokens, smart contracts, exercise of rights, abuse of right

## § 1. Введение

Двигаясь в русле времени, российское законодательство рано или поздно должно было справиться с очередным порогом — цифровыми правами. Это обуславливалось не только новой экономической реальностью, общепринятое название которой — цифровая экономика — само по себе читается как аргумент для этого перехода, но и обладавшей в руководстве страны убежденностью в том, что отечественное право нуждается в соответствующих преобразованиях<sup>1</sup>. 20 февраля 2019 г. в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации прозвучала фраза: «Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»<sup>2</sup>. Научной составляющей контекста цифровой реформы стала идейная среда, в которой осознание феномена «постправды» и порождаемых им рисков для процедур верификации в правовой системе приводит к предположениям о целесообразности использования технологических моделей, устраняющих необходимость в сохранении как требования, так и презумпции добросовестности<sup>3</sup>.

Необходимость цифровизации правового обеспечения экономики, причем в виде системного проекта, вероятно, не может вызывать сомнений ни у одного российского цивилиста. Однако важнейший вопрос заключается в том, какие категории гражданского права в принципе открыты для симбиоза с цифровыми явлениями. Идет ли речь только о насущной необходимости закрепления работоспособного режима цифровой формы самих прав, действий по их приобретению и осуществлению, а также по исполнению обязанностей или же гражданское законодательство должно вобрать в себя новую содержательную реальность — допустить существование отличных от «обычных» цифровых прав и цифровых договоров, уже давно именуемых «смарт-контрактами»?

Коль скоро разработчики законопроекта № 424632-7 поставили перед собой задачу, как указывалось в пояснительной записке<sup>4</sup>, «урегулировать отношения по поводу использования криптоактивов, в первую очередь таких, как криптовалюты и токены»<sup>5</sup>, — этот вопрос они перед собой то ли не ставили, то ли дали на него определенный, удовлетворивший их ответ. Однако этот ответ, как и построения, которые были на его основе созданы авторами проекта, категорически не устроили Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: «То, что понимается под цифровыми правами в Проекте, на самом деле является лишь оформлением традиционных имущественных прав, причем совершенно разной природы — вещных прав, обязательственных прав, корпоративных прав, исключительных прав и даже личных неимущественных прав (последние — вопреки положению Проекта)»<sup>6</sup>. Законопроект подвергся парадигмальной переработке, конечный итог которой воплотился в Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых правах). Спустя недолгое время был принят Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о краудфандинге). Завершил первый этап цифровизации в российском праве Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых финансовых активах). О том, что же именно стало именоваться «цифровыми правами» и как на это отреагировало научное сообщество, будет кратко сказано позже. Во введении же в работу следует обозначить существо научной проблемы, которая будет в ней затронута. И для этого важно указать, что независимо от реальности, которую принесла цифровая реформа в *lex lata*, той реальности, которую имеют в виду сторонники цифровых прав *de lege ferenda*, цивилистическая доктрина может отказывать в способности обладать приписываемыми ей свойствами.

Складывается впечатление, что российский законодатель снова руководствовался порочной парадигмой недопустимости отступлений от образцов «цивилизированного мира». Этот своего рода интеллектуальный рефлекс, сложившийся в 90-х гг. прошлого века, по завершении этого периода давал о себе знать в недвусмысленном отрицании

<sup>1</sup> Указом Президента от 09.05.2017 № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., а Указом от 10 октября 2019 г. № 490 — Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

<sup>2</sup> *Габов А. В., Хаванова И. А.* Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта. Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 41.

<sup>3</sup> См. *Архипов В. В.* Возможно ли право в эпоху постправды? Закон. 2019. № 12. С. 68–69.

<sup>4</sup> Пояснительная записка (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) к Законопроекту № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>5</sup> *Коновеевская И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 331.

<sup>6</sup> Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Принято на заседании Совета 23 апреля 2018 г. № 175-2/2018. Стр. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/meeting-156-conclusion-2.pdf> (дата обращения: 25.06.2021); далее — Экспертное заключение.

способности российского права к органическому развитию<sup>7</sup>, но устойчиво срабатывает и в нынешнем законодательстве. Забракованному варианту закона о цифровых правах была спешно изготовлена замена. Критику «цифровых прав» и «цифровых контрактов» некоторыми учеными «цивилизованного мира»<sup>8</sup> можно постараться не замечать.

Важнейшими новеллами реформы стали причисление к объектам гражданских прав «цифровых прав» (ст. 128), их правообъектная категоризация (новая ст. 141.1) и попытка легитимации в новой части ст. 309 «смарт-контрактов». Указание на незавершенность последнего действия объясняется не только тем, что на употребление термина *expressis verbis* законодатель не решился, а доктрина сомневается как в его понятийных границах, так и в праве понятия на существование, но и тем, что даже если *de lege lata* в этой норме описано, то, с чем можно было бы согласиться и принять как «смарт-контракт» в том или ином конвенциональном значении, автор работы считает «смарт-контракт», а точнее возникающую на его основе реальность, то есть якобы договорные цифровые права, а также их осуществление, неспособными уместиться в границы обязательственного права и, вероятно, гражданского права в целом.

Здесь я прихожу к определению предмета работы: по мере возможности устранившись от участия в обсуждении тех качеств смарт-контрактов и цифровых прав, которое уже ведется в научной литературе<sup>9</sup>, мне бы хотелось исследовать проблемы осуществления цифровых прав. Цель состоит в том, чтобы показать, что цифровые права, возникающие посредством смарт-контрактов, не соответствуют природе субъективного гражданского права, в т. ч. возникающего в договорном правоотношении; эти цифровые права не могут осуществляться так, *как только и могут* осуществляться любые субъективные права; они не могут изменяться и приводиться в договорное равновесие; не могут они и нарушаться, что, возможно, дает лучшее свидетельство их непригодности для гражданского оборота. Начать работу придется с привлечения внимания читателя к максимально сжатому изложению тезисов теории осуществления субъективных прав, которая представлена в трудах автора.

## § 2. Интерес и субъективное право. Верификация интереса

Субъективное право всегда является юридическим воплощением частного интереса: в случае, когда интерес отсутствует или не достигает надлежащего уровня (в силу, например, его направленности на иные блага, чем те, на которые направлен интерес, для удовлетворения которого сконструировано данное право), оно не должно признаваться судом. Субъективное договорное право, возникающее по основаниям, установленным позитивным правом, т. е. императивной или не отклоненной диспозитивной нормой, выражает вмененный интерес, который состоит в логической дихотомии и фактическом диалектическом противоречии с реальным интересом<sup>10</sup>. Субъективное право, основанное на условии договора, образованном волей сторон (отклонением диспозитивной нормы или возникшем в дозволительном поле), всегда выражает реальные интересы сторон по идентичным условиям договорной сделки<sup>11</sup>.

Верификация выраженного в субъективном праве интереса происходит в первом случае на основании презумпции соответствия (некритического отклонения<sup>12</sup>) реального интереса от вмененного, во втором — на основании понимания договора как баланса интересов сторон, где интересы каждой стороны *предполагаются* идеально ею распознанными, а любое условие достигнутого баланса — идеальным их выражением, что тождественно *презумпции* любого условия и договора в целом как идеального выражения единого интереса контрагентов<sup>13</sup>. Верификация должна учитывать динамику интересов сторон, что может привести к адаптации договора к существенно изменившимся обстоятельствам (*clausula rebus sic stantibus*) или даже к расторжению договора при невозможности обеспечить достижение нового баланса; частичная перенастройка договорного равновесия также происходит путем

<sup>7</sup> «Консервативная модель общественного развития не имеет в России будущего не потому, что она плоха, а в силу отсутствия непрерывности исторического движения страны и ее правовой системы. [...] Органическая концепция социума, государства и права может быть реализована только там, где уважение к другому человеку сопряжено с гарантиями свободы самовыражения и одновременно с возможностью защиты от неправомерного посяательства на личность со стороны других людей и власти». (Черников А. Э. Будущность права (футурологические заметки). Спиридоновские чтения: Актуальные проблемы теории права. Вып. 1–2. Научный ред. И. Л. Честнов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права им. принца П. Г. Ольденбургского. С. 127.) Мысль автора ясна: ввиду того, что всем перечисленным Россия обделена, ее правовая система полностью не способна к эволюции на основе саморегуляции.

<sup>8</sup> См. Kolber Adam J. Not-So-Smart Blockchain Contracts and Artificial Responsibility [Электронный ресурс]. Stanford Technology Law Review. Vol. 21. Issue 2. 198 (2018). P. 198–234. URL: [https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber\\_LL\\_20180910.pdf](https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber_LL_20180910.pdf) (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>9</sup> Так, в статье не будет затрагиваться проблема причисления цифровых прав к объектам гражданских прав, но из суждений автора должно явствовать его согласие с теми учеными, которые считают это ошибкой.

<sup>10</sup> См. Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М.: Проспект, 2017. С. 10–26.

<sup>11</sup> Вольфсон В. Л. Особенности злоупотребления правом в договорном правоотношении. Портал «Закон.Ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/RyGEB> (дата обращения: 25.06.2021).

<sup>12</sup> Критерии отклонения описаны в монографии «Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве» и во многих других работах автора.

<sup>13</sup> Вольфсон В. Л. Особенности злоупотребления правом в договорном правоотношении. Там же.

изменения режима исполнения обязательств (приостановление или отказ от исполнения, ст. 328, *exceptio non adimpleti contractus*)<sup>14</sup>. Верификация состояния интереса, выраженного в договорном субъективном праве, должна осуществляться исходя из «иерархически применяемых схем означивания»<sup>15</sup>. Очевидным условием выполнения такой перенастройки договорного баланса является сопоставление итогов верификации интереса, выраженного в договорном праве, с семантической верификацией условия договора. Последняя делится на две стадии: первая, о которой говорится в абзаце первом ст. 431, является лингвистической, вторая, предусмотренная в абзаце втором, удостоверяет верность суждений об условиях договора исходя из среды его заключения<sup>16</sup>. В этой работе нам понадобится обращение только к лингвистической стадии, причем лишь в пределах, определяемых задачами исследования.

### § 3. Лингвистическая верификация

Никакой лингвистический метод толкования не может быть свободен от такой конструкции означающего (*le signifiant*), которая использует опыт индивидуального словоупотребления. Иными словами, означающее всегда задается индивидуальным контекстом. Словарные значения — это не более чем значения, которые задаются наиболее частотным словоупотреблением. В договоре к тому же контекст слов и выражений складывается конвенционально — в виде условных значений, устанавливаемых формальным или конклюдентным протоколом взаимодействия. Это еще более снижает ценность словарных значений и, как следствие, делает непригодным для целей договорного права перевод договорных условий в алгоритмы компьютерной программы.

### § 4. Невозможность гражданско-правовой верификации интересов в цифровом «договоре»

Российское законодательство в том виде, в каком оно пришло вследствие цифровой реформы, исходит из того, что цифровое право, а следовательно, и цифровой «договор» пребывают не в правовой, а программной среде (ст. 141.1 ГК, п. 3 ст. 8 Закона о краудфандинге, п. 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах)<sup>17</sup>. В литературе отмечается, что термин «цифровые права», использованный в нашем законодательстве, генеалогически никак не связан с публично-правовой категорией *digital rights*, обозначающей в соответствующих правопорядках так называемые «права человека нового поколения»<sup>18</sup>. Законодатель изначально намерен был использовать этот термин взамен малопригодного для нашего права понятия «токен»<sup>19</sup>, причем как в ГК, так и в Законе о краудфандинге, в котором понятие «токен инвестиционного проекта» уступило место «утилитарным цифровым правам»<sup>20</sup>. Однако в итоговой редакции Закона о цифровых правах, в которой налицо отказ от идеи распределенных реестров, последние превратились, по одному из мнений, в «любые права, фиксируемые в цифровой форме»<sup>21</sup>. Другие исследователи, соглашаясь с этим суждением в целом, справедливо, на наш взгляд, указывают на наличие в новом правообъектном режиме двух существенных предикатов: во-первых, цифровые права должны быть названы таковыми в законе, и, во-вторых, «они должны приобретаться, осуществляться и отчуждаться на информационной платформе, «отвечающей установленным законом признакам»»<sup>22</sup>. И хотя «ГК РФ не устанавливает технические требования ни к информационной

<sup>14</sup> См. *Вольфсон В. Л.* Соотношение *exceptio non adimpleti contractus* и *clausula rebus sic stantibus* как способов восстановления баланса интересов: теория и современное развитие. Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4 (62). С. 101–103.

<sup>15</sup> *Вольфсон В. Л.* Язык догмы: обход невозможен. Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 17.

<sup>16</sup> Данная бесспорная для нас и очень важная для правоприменения последовательность, к сожалению, не заслужила даже упоминания в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

<sup>17</sup> Но есть и отличия. Правило п. 1 ст. 141.1 ГК РФ в ред. Закона о цифровых правах делегирует информационной системе компетенцию (термин законодательной техники здесь, полагаю, уместен) определять содержание и условия осуществления цифрового права, при этом в п. 2 особо оговаривается, что осуществление права возможно только в информационной системе *без обращения к третьему лицу*; ч. 3 ст. 8 Закона о краудфандинге указывает на то, что «утилитарное» цифровое право должно *возникнуть* в качестве такового на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы, т. е. информационной системы (в силу легальной дефиниции термина в п. 1 ч. 1 ст. 2), но при этом содержание и условия осуществления утилитарных цифровых прав определяет лицо, привлекающее инвестиции (ч. 4 той же статьи); в Законе о цифровых финансовых активах для целей принятия этого закона цифровые «права» понимаются только как токены и криптовалюты (п. 2 ст. 1): выпуск, учет и обращение таких активов — а они, в силу данного определения, являются цифровыми правами — возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

<sup>18</sup> *Рожкова М. А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве. Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 2–3.

<sup>19</sup> См. *Новоселова Л., Габов А., Савельев А.* и др. Цифровые права как новый объект гражданского права. Закон. 2019. № 5. С. 31–54; *Рожкова М. А.* Цит. соч. С. 11.

<sup>20</sup> *Габов А. В., Хаванова И. А.* Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта. Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 41.

<sup>21</sup> *Коновеевская И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 331.

<sup>22</sup> *Рожкова М. А.* Цит. соч. С. 12.

системе, ни собственно к цифровым правам»<sup>23</sup>, вместе с тем очевидно, что эти права должны «существовать в цифровой среде не автономно, а только в связке с определенной информационной платформой»<sup>24</sup>. В контексте нашей работы важным будет именно этот, признанный и несводимый к инвариантности формы, предикат легитимированных в российском праве цифровых прав.

В технологии блокчейн верификация транзакций происходит усилиями так называемых «майнеров» и с помощью технологии time stamp (указание времени транзакции). Любая заносимая в блок операция получает криптографический идентификатор (хеш), который добавляется в заголовок записи о каждой следующей транзакции<sup>25</sup>. Вмешательство в цепочку записей лишается смысла, поскольку оно бы дискредитировало всю систему. Это и создает единую «правду» блокчейна, то есть верифицирует все проведенные транзакции, позволяя не просто безошибочно, но и без возможности пересмотра определить принадлежность прав в каждый отдельный момент<sup>26</sup>. Данный способ верификации опирается на идею изобретателя биткойна Накомото о необходимости применения криптографического кода в распределенных реестрах, что создавало бы взаимное доверие без необходимости внешней верификации<sup>27</sup>.

Но такая модальность правды обеспечивается исключительно герметичной или, как кто-то бы сказал, «нишевой» модальностью онтологии цифровых прав, а именно их пребыванием в поле работы (а для целей верификации — в поле смыслов) информационной системы, вне которой, согласно реализованной в ст. 141.1 ГК, а также в п. 3 ст. 8 Закона о краудфандинге и в п. 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах концепции, как уже подчеркивалось, цифровые права легальным бытием не обладают. И это бытие неспособно быть истинным выражением интересов сторон, тем более в их изменчивости, не говоря уже о применимости доктрины *clausula rebus sic stantibus*, что признается и сторонниками легитимации смарт-контрактов в гражданском обороте: А. И. Савельев пишет о «существенно сниженной адаптивности условий смарт-контракта к изменяющимся обстоятельствам»<sup>28</sup>. Такая виртуальность, причем в исходном значении этого термина, который в наше время используется для обозначения цифровой реальности, неизбежно порождает и иные проблемы правоосуществления, прежде всего на границе перехода в реальность подлинную, на что уже обращалось внимание<sup>29</sup>. В самом деле, имманентное для континентальной семьи понимание предмета вещного права просто исключает наличие у такого предмета легитимных цифровых двойников.

Описанная верификация позволяет лишь установить факт совершения операции, но она не имеет отношения к интересу субъекта и тем более к оценке его состояния. Поскольку, как уже говорилось, субъективное гражданское право есть не что иное, как юридически признанный частный интерес, а оценка состояния интереса в режиме опровержимой презумпции его достаточности есть не что иное, как необходимое условие осуществления субъективных прав, ибо только так удается поддерживать баланс договорного равновесия, а также проверять это состояние на предмет критических отклонений (образующих злоупотребление правом), постольку указанные цифровые записи суть что угодно, но только не субъективные гражданские права и уж тем более не та реальность, которая открыта к тестированию на предмет сохранения договорного баланса и признаков злоупотребления.

Таким образом, верификация интересов сторон исключается сущностью так называемых «цифровых контрактов». Ввиду этого данная технологическая реальность находится за пределами договорного права.

## § 5. Невозможность лингвистической верификации «условий» в цифровом «договоре»

Нет сомнений в том, что верификация условий смарт-контракта несовместима с лингвистическими методами верификации (толкования) договора, поскольку компьютерная программа не может учитывать контекстов, в идеальном случае она может работать с индивидуально заданными словоупотреблениями. Сторонники смарт-контрактов полагают, что язык программирования «обуславливает повышенную степень определенности такого контракта и от-

<sup>23</sup> Акинфеева В. В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики. Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 401.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> См. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. Вестник гражданского права. 2016. Том 16. № 3. С. 32–60.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> «Нам нужна система электронных платежей, которая, будучи основанной на криптографических доказательствах, а не на взаимном доверии, позволяла бы сторонам сделки взаимодействовать напрямую, а не прибегать к обремененному доверием третьему лицу». (В оригинале: What is needed is an electronic payment system based on cryptographic proof instead of trust, allowing any two willing parties to transact directly with each other without the need for a trusted third party.) Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>28</sup> См. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. Закон. 2017. № 5. С. 94–117.

<sup>29</sup> Иванов Н. В. Осуществление цифровых прав по ГК и Закону о краудфандинге. Портал «Закон.Ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Vk9HQ> (дата обращения: 25.06.2021).



существование необходимости применения к нему традиционных средств толкования договора»<sup>30</sup>, однако приведенные доводы показывают, что это не так<sup>31</sup>. Непригодность для целей лингвистической верификации легко видна при необходимости устанавливать значения слов и выражений, употребленных в маргинальных лингвоконвенциях (несловарных значениях). Так, смысл выражения «набрать кого-либо», который, несмотря на ненормативность, очевиден для компетентных носителей современного русского языка, в том случае, если это выражение в таком значении (например, для описания обязанностей по информационному взаимодействию) будет включено в договор, никогда не сможет быть понято правильно компьютерной программой, если только это словоупотребление не будет в нее введено. Когда-то, в начале XX в., столь же ненормативным в этом же значении было слово «позвонить». Разумеется, это только пример — создавая протоколы взаимодействия, стороны будут стараться исключать неясные и прежде всего заведомо ненормативные условия при написании программы. Однако он показывает, что программировать однозначный смысл невозможно — лингвистическая верификация всегда контекстуальна. Само наличие так называемых README-файлов, сопровождающих программы, уже говорит о том, что комментарии к программе, то есть уточнения значений, задаваемых ее исходным кодом, будут неизбежны. Другой удачный пример — это расширение смысла английского слова *vehicle* далеко за пределы словарного значения в знаменитом деле *Garner v. Burr* (с учетом контекста толкуемой нормы, оно было истолковано судом не как «транспортное средство», а как «любое движущееся средство, поставленное на колеса»)<sup>32</sup>.

Нелепость попыток перевода договора на компьютерный язык будет еще менее терпима, потому что обязательства сторон в «цифровом контракте», для целей его «самоисполнимости», т. е. исполнения компьютерной программой, формулируются в виде правил, поставленных в зависимость от наступления не момента времени (это вносило бы еще большую неопределенность ввиду учета встречного исполнения), а оговоренных обстоятельств, которые могут не иметь модельной природы (и наоборот, выражать единичные случаи)<sup>33</sup>. Поскольку вероятность описания таких обстоятельств посредством нестандартизированной лексики объективно выше, чем обычных условий договорного взаимодействия, то и вероятность лингвистических девиаций и, следовательно, искажения их смысла в компьютерном языке также объективно повышается.

Режим терминологического взаимодействия, который используется в компьютерной программе, следует именовать протокольным: в нем заранее согласованы или считаются согласованными значения, выраженные на языке программирования. Как уже было показано, такой язык нельзя считать соответствующим целям лингвистической верификации условий гражданско-правового договора. Однако если представить себе, в порядке рабочей гипотезы, что стороны согласовали такой протокол если не в отношении каждого элемента языка, но в виде *согласия считать все его элементы согласованными*, то это создаст пусть и только в теории, а не в реальности легального гражданского оборота, пусть и крайне непрактичную инструментальную верификацию «условий». В этом случае лингвистическая ревизия условий будет невозможна: как бы ни расходилось значение, в котором используется элемент кода, с пониманием соответствующего условия (вполне вероятно, оправданного контекстом) стороной сделки, последняя должна будет пониматься только в таком значении. Нельзя сказать, что протоколизация договорного взаимодействия, особенно в части информационных обязанностей, была бы инородна частному праву. В свое время в гражданской авиации требования, предъявляемые к переговорам пилотов и наземных служб, приобрели вид формализованного протокола: после крупнейшей в истории катастрофы на Тенерифе в 1977 г., одной из причин которой стало разное понимание диспетчерами и экипажем терминов, использованных при выходе борта на взлетно-посадочную полосу, было решено, что терминология, применяемая для выдачи разрешения на взлет и подтверждения получения и понимания этого разрешения, будет строго фиксированной; кроме того, ряд команд должен повторяться адресатом сообщения<sup>34</sup>. Такого рода протокольная конвенционализация значений сделки не может не напомнить язык, применяемый для обмена данными между компьютерами и для собственно компьютерных команд. Она также напоминает формализацию правоосуществления посредством публично-достоверных инструментов — таких, как ценные бумаги, свидетельства о правовых титулах и т. п. Конечно, объясняется это необходимостью обеспечить необратимость осуществления прав определенных категорий (в том числе непротивопоставимость им возражений). Но ниже будет показано, что в цивилистическом понимании такая необратимость не может быть универсальным режимом, а став им, выведет описанный вид взаимодействия за пределы частного права.

<sup>30</sup> Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 45. Другая проблема верификации — собственно значений, выраженных средствами компьютерного языка, — заключается в невозможности исключить ошибку программы и признается А. И. Савельевым в более поздней работе (Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. Закон. 2017. № 5).

<sup>31</sup> См. также Kolbert Adam J. Указ. соч. С. 214–223.

<sup>32</sup> См. T. Endicott. Law and Language. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-language/> (дата обращения: 27.06.2021). Анализ автора представлен в работе: О правильном значении слова *Vehicle* [Электронный ресурс]. Портал «Закон.Ру». URL: <https://clck.ru/Vjp8w> (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>33</sup> Савельев А. И. Указ. соч. С. 46.

<sup>34</sup> The Tenerife Airport Disaster — the Worst in Aviation History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tenerife-information-centre.com/tenerife-airport-disaster.html> (дата обращения: 30.06.2021).

## § 6. Необратимость прав как дефект цифровых «договоров»

Невозможность пересмотра или отмены условий цифровых контрактов является еще одним их неустранимым дефектом. Описанная выше стратегия верификации «транзакций», т. е. сделок и их исполнения, применяемая в смарт-контрактах, исключает «обратимость»: вмешательство извне в блоки записей невозможно, так как это лишит «доверия» всю цепочку записей; впрочем, в случае ошибки в программном коде ревизия транзакций неизбежна<sup>35</sup>. Как уже говорилось, это абсолютно не соответствует природе субъективных гражданских прав как в их синаллагматической договорной динамике, так и в диалектике вмененного и реального интересов, имманентной правам, возникшим на основании положений позитивного права.

Для того чтобы сделать ясным отличие цифровых контрактов от «обычного» договора, часто сравнивают их с договорами, заключаемыми через автомат. Компьютерная программа после ее запуска полностью самостоятельна в определении и направлении взаимодействия сторон, тогда как автомат подконтролен воле субъекта, и автоматизм дальнейшего правоосуществления (исполнения) — конечно, мнимость, за которой скрывается заранее согласованные сторонами и поставленные в зависимость от наступления определенных обстоятельств волевые действия. Другое наглядное сравнение — с бездокументарными ценными бумагами. Цифровые права вовсе не права, но, как уже отмечалось в литературе, способ фиксации активов<sup>36</sup>; той же природой, согласно одной из распространенных точек зрения, обладают бездокументарные бумаги. Но в случае цифровых «прав», возникающих из смарт-контрактов, фиксация выведена из-под дискреции субъекта<sup>37</sup>. Это свойство наделяет смарт-контракты самоисполнимостью, а равно иммунитетом против нарушения. Но то, что для сторонников смарт-контрактов прогресс, для нас — однозначный признак несовместимости с гражданским правом.

Новая редакция ст. 309 ГК, а именно введенный в нее Законом о цифровых правах второй абзац, в котором законодатель допустил исполнение возникающих из договорной сделки обязательств «при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки», столкнулась с жесткой критикой в Экспертном заключении (см. об этом также во введении к этой работе). Так, в п. 4.5 Экспертного заключения справедливо указывалось на то, что «никакого автоматизированного исполнения обязательства не существует в природе» и, далее, что «совершая соответствующую сделку, условиями которой предусматривается производство исполнения при посредстве программных или аппаратных средств, ее сторона соглашается на такую форму своего волеизъявления при исполнении обязательства, а в некоторых случаях и оказывает воздействие на этот процесс»<sup>38</sup>. Как видим, категорию «автоматизированного исполнения» Совет вписывает в смысловое пространство, основанное на принципах и ценностях обязательственного права, где ей, вероятно, соответствовали бы правоотношения, возникающие на основании сделок, совершенных с помощью автомата. На это идеологи смарт-контрактов могли бы с готовностью возразить, ссылаясь на уже названные выше отличия между смарт-контрактом и такими сделками, однако это отличие — необратимость исполнения ввиду неподконтрольности сторонам сделки — как раз и выводит смарт-контракты за пределы обязательственного права и, собственно, права вообще. Очевидно, сознавая такое возражение, авторы заключения заранее дают ему верную оценку: «Правопорядок не может уклониться от того, чтобы атрибутировать ненадлежащее исполнение либо с чьей-нибудь волей, либо со случаем или с непреодолимой силой. Ограничение Проектом возможности защиты прав и законных интересов сторон сделки в этих случаях не соответствует Конституции Российской Федерации и противоречит принципам гражданского права»<sup>39</sup>. Согласно выводу Экспертного заключения, законопроект «не может быть поддержан по концептуальным причинам»<sup>40</sup>. К сожалению, позиция ученых не помешала принятию закона, в том числе и ст. 309, в представленной на рассмотрение Совета редакции.

## § 7. Абстрактность прав, известная в гражданском обороте

Гражданский оборот всегда, но особенно по мере развития потребности в текущем кредите, нуждался в инструментах, обеспечивающих не только необратимость волевых актов, но и непротивопоставимость определенным правам каких-либо возражений. Так возникли ценные бумаги, права из которых (по общему правилу) имеют абстрактную природу — никакие возражения лица, ответственного за исполнение, не будут приняты, если они не связаны с ценной бумагой или не основаны на его отношениях с владельцем ценной бумаги. Тем не менее аналогия с ценными бумагами для попыток оправдать введение в оборот «смарт-контрактов» неуместна.

<sup>35</sup> См. *Савельев А. И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. Закон. 2017. № 5. С. 94–117.

<sup>36</sup> *Конобеевская И. М.* Указ. соч. С. 332.

<sup>37</sup> Это естественное уподобление обсуждается во многих работах. См., напр., *Акинфеева В. В.* Указ. соч. С. 401.

<sup>38</sup> Экспертное заключение. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/meeting-156-conclusion-2.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> С. 14 Экспертного заключения.

Во-первых, признание оборотом абстрактных прав всегда направлено на особые задачи, решение которых невозможно без неоспоримости этих прав. Такого рода задачи и, следовательно, предопределяемая ими фиксация прав составляют явное и очень незначительное меньшинство по отношению к иным интересам осуществления гражданских прав.

Во-вторых, в действительности право, выраженное в бумаге, сохраняет независимость от основания возникновения лишь постольку, поскольку не скомпрометировано конфликтом намерений владельца относительно этого основания<sup>41</sup>, что имеет место, когда владелец знал о том, что основание может отсутствовать или быть юридически дефектным (ст. 145). Уместно напомнить, что это правило распространяется и на бездокументарные ценные бумаги в силу п. 3 ст. 149.1. Таким образом, отмечаемое некоторыми исследователями сходство правообъектной эволюции цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами не может затрагивать проблему правоосуществления: оно никогда не является необратимым по ценной бумаге, что и обеспечивает ей (и возникающим из нее правам) сохранение природы цивилистического инструмента. Никакие гражданские права не могут порождать необратимое (запрограммированное) осуществление. Более того, в договорном правоотношении, ввиду создаваемой им интерактивной среды, не может быть и каких-либо абсолютных категорий, за исключением тех, которые выражают легальные конститутивные признаки предмета описания (например, поименованные договоры или индивидуальность любой недвижимой вещи).

В-третьих, абстрактность может быть свойством только односторонней сделки: договорная же сделка, ввиду того что представляет собой волеобразование двух субъектов, не может не включать соглашения о каузе, то есть о матрице согласованных интересов, предопределяющей будущее взаимодействие. Любое договорное право выражает не только автономный интерес правообладателя, но, повторимся, всю конфигурацию интересов контрагентов, причем приведенную сделкой в состояние согласованной гармонии. Однако смарт-контракты не являются односторонними сделками — они являются двусторонним взаимодействием, а их идеологи хотели бы, чтобы это взаимодействие считалось правовым. Но из сказанного видна тщетность этой идеи.

## § 8. Неоспоримость как режим прав, возникающих в силу их регистрации

Неоспоримость свойственна и публично-правовым способам фиксации прав и статусов, в том числе и частно-правовых. В доктрине имеются разные мнения о том, следует ли применяемая в России система регистрации прав принципу внесения либо принципу противопоставимости<sup>42</sup>. Первый принцип в целом предполагает полную неоспоримость прав, второй же — такую их фиксацию, которая переложит бы риски возникновения издержек при длительных или критических обременениях на лицо, извлекающее выгоды от такого обременения. Однако оба принципа, независимо от исхода дискуссии, не исключают обратимость прав или обременений, возникающих из регистрационной записи. Принцип внесения допускает аннулирование самой записи, если доказана негодность оснований ее совершения (например, недействительность сделки), при принципе противопоставимости речь, собственно, не идет о задаче преодоления силы права (таковое считается возникшим в силу сделки или другого частноправового юридического факта, а не в силу регистрации); эта парадигма лишь решает задачу конкуренции прав, и отсутствие необходимости регистрации права или обременения для его возникновения обнаруживается в возможности не выполнять предписание закона о его регистрации — как и право из ценной бумаги, в случае недобросовестности правопритязателя его право уступит ранее возникшему незарегистрированному праву или обременению<sup>43</sup>. С другой стороны, из того, что принцип противопоставимости исходит из иных оснований возникновения права, нежели его регистрация, следует также то, что в случае регистрации третье лицо не лишено возможности доказывать наличие у себя добросовестной убежденности в отсутствии факта регистрации.

Впрочем, если помыслить цифровой контракт как набор прав, защищенных от возражений регистрацией, он в любом случае превращался бы в публично-правовой инструмент.

## § 9. Способность быть нарушенным как важнейшая ценность субъективного права

В § 1 и § 6 указывалось, что смарт-контракты обладают свойством, в котором их сторонники видят неотразимый аргумент в пользу их признания гражданским законодательством, но которое представляет наиболее яркое свидетельство отсутствия у обсуждаемого феномена частноправовой природы. Бездна, разделяющая сторонников и про-

<sup>41</sup> Конфликтность намерений относительно правопритязательного основания выражается, согласно представленной в работах автора теории, в категории «недобросовестность». См., напр., *Вольфсон В. Л.* Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Проспект, 2019.

<sup>42</sup> *Кулаковский В. В.* Проблемы государственной регистрации права собственности на трансформированные недвижимые объекты. Имущественные отношения в Российской Федерации. № 1 (196). Стр. 47–48.

<sup>43</sup> П. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными», абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».



тивников «умного» контракта по линиям прочих перечисленных выше и не менее непреодолимых противоречий, не столь велика, как тогда, когда речь заходит о нарушении договора.

Цифровой «договор» нарушить нельзя: правоосуществление совершается в точном соответствии с «условиями» (а на самом деле, как мы увидели, с выраженным в компьютерном коде командами, имеющими мало общего с частно-правовым выражением интересов сторон); эти «условия», минуя гражданско-правовую верификацию, в том числе лингвистическое означивание, будут исполняться «как есть», без всякой возможности противопоставления им возражений (тем более связанных с сохранением баланса интересов). Гражданско-правовой договор нарушить не просто «можно». Без свойства быть нарушенным его не существует. И причина глубже, чем та, на которую указывает *efficient breach theory*, — последняя лишь отрицает универсализм реального исполнения. Нарушение договора — это действие в противоречии с его условиями, каковые, как показано выше, суть выражения согласованных интересов сторон. Нарушение договора — категория, состоящая в дихотомическом единстве с категорией надлежащего исполнения, т. е. действий в соответствии с этими интересами. Лишение договора свойства быть нарушенным — это отрицание не только возможности его надлежащего исполнения, но и собственно того, что договор имеет какую-либо связь с интересами сторон.

## § 10. Цифровые права как способ фиксации прав

В Законе о цифровых правах имеется еще одно важнейшее положение, которое выше не упоминалось ввиду необходимости сосредоточиться на предмете исследования: тех новеллах, которые вызывают несогласие, причем не только автора этой работы. Изменения же в ст. 160 ГК едва ли способны вызвать чье-либо неодобрение. Они исключают из правил о сделках условия равнозначности электронной и собственноручной подписи, которые применительно к простой электронной подписи определялись режимом двойного делегирования правотворчества — в прежнем тексте ст. 160 ГК и в ч. 2 ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Взамен к сделкам, совершаемым «с использованием электронных либо иных технических средств», что в наше время означает, за вычетом статистической погрешности, «с использованием компьютерной программы», законодатель применил режим субъектного тождества, который можно было бы назвать принципом открытой (или неквалифицированной) верификации<sup>44</sup>: любые способы, если они позволяют достоверно определить лицо, выразившее волю, считаются по умолчанию пригодными, но законом может устанавливаться квалифицированная верификация. Помимо пользы для оборота, это новшество представляет собой важный и необходимый — причем, на наш взгляд, единственно необходимый в ГК — акт цифровизации гражданского законодательства. Если же распространить правила о сделках на волевые действия по их исполнению, что как общая идея доктриной поддерживается не единодушно, но что применительно к цифровой форме можно сделать принудительно специальным указанием закона, мы получим легальный режим «цифровых прав», которым, по мнению многих цивилистов, они должны обладать и в котором нуждается оборот: они станут способами фиксации прав и правоосуществления.

## § 11. Заключение

Во-первых, несмотря на острую критику, которой подвергся законопроект № 424632-7, что привело к принципиально новому, по сравнению с его текстом, определению цифрового права в Законе о цифровых правах, положения проекта, определяющие правовой режим осуществления этих прав, в частности посредством смарт-контрактов, вошли в действующее законодательство. Новая ст. 141.1 ГК делегирует компетенцию определения содержания и условий осуществления цифрового права компьютерной программе; близкие по смыслу положения содержатся в Законе о краудфандинге и в Законе о цифровых финансовых активах. С учетом того, что при этом вовсе не испытала на себе воздействие критики со стороны Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства предложенная редакция абзаца второго ст. 309, можно утверждать, что в отечественном частном праве появились «цифровые договоры», причем наделенные имманентным для них и перевозносимым сторонниками свойством самоисполнимости. Данное обстоятельство расширяет значение замечаний, адресованных в этой работе цифровым «договорам», — это не только изложение теоретических взглядов автора, но и суждения *de lege ferenda*. Даже если введение цифровых прав считать вслед за А. В. Габовым допустимым правовым экспериментом<sup>45</sup>, на наш взгляд, этот эксперимент пора завершать в части смарт-контрактов.

Во-вторых, смарт-контракт, по крайней мере постольку, поскольку под этим понимается компьютерная программа, самоисполнимая на основании своего кода, является цифровой, а не правовой реальностью, ввиду того, что она не представляет собой согласованное выражение интересов сторон в условиях договора. Такой вывод сделан, прежде всего, потому, что верифицировать интересы, представленные в самоисполнимом коде, а тем более перемены в их состоянии, невозможно; далее, выражение интересов на языке программирования не поддается

<sup>44</sup> Ранее этот режим, с небольшими отличиями, использовался в прежней редакции п. 2 ст. 434.

<sup>45</sup> Багаев В. А. В качестве эксперимента отрицать нельзя. Совет по кодификации высаял природу цифровых прав [Электронный ресурс]. Портал «Закон.Ру». URL: <https://clck.ru/VmrDS> (дата обращения: 25.06.2021).

надлежащей лингвистической верификации. Как следствие, к смарт-контракту не могут применяться процедуры восстановления договорного равновесия, а истинная воля сторон не поддается уяснению.

В-третьих, «необратимость» условий смарт-контрактов, то есть их самоисполнимость, что подразумевает и невозможность их нарушения, является их фатальным дефектом, поскольку обнажает их иррелевантность интересам сторон и, следовательно, цели существования гражданского права, каковое есть способ гармонизации равноценных интересов.

В-четвертых, существование смарт-контрактов не может быть оправдано наличием в частном праве средств, обеспечивающих придание правам и правоосуществлению свойств относительной необратимости в случаях, когда такая необратимость объективно требуется оборотом.

В-пятых, цифровые права, по мнению, которое неоднократно высказывалось ранее, являются ничем иным, как способом фиксации прав и правоосуществления, а поэтому изменения, внесенные в ст. 160 ГК Законом о цифровых правах, следует приветствовать и считать единственной новеллой этого Закона, которая заслуживает быть сохраненной.

## Литература

1. *Акинфеева В. В.* Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики. Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 397–407.
2. *Архипов В. В.* Возможно ли право в эпоху постправды? Закон. 2019. № 12. С. 56–71.
3. *Багаев В. А.* В качестве эксперимента отрицать нельзя. Совет по кодификации выяснял природу цифровых прав. Портал «Закон.Ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/VmrdS> (дата обращения: 25.06.2021).
4. *Вольфсон В. Л.* Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : «Проспект», 2019. 80 с.
5. *Вольфсон В. Л.* Особенности злоупотребления правом в договорном правоотношении. Портал «Закон.Ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/RyGEB> (дата обращения: 25.06.2021).
6. *Вольфсон В. Л.* Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М. : Проспект, 2017. С. 10–26.
7. *Вольфсон В. Л.* Соотношение *exceptio non adimpleti contractus* и *clausula rebus sic stantibus* как способов восстановления баланса интересов: теория и современное развитие. Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4 (62).
8. *Вольфсон В. Л.* Язык догмы: обход невозможен. Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8–18.
9. *Габов А. В., Хаванова И. А.* Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта. Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 28–44.
10. *Иванов Н. В.* Осуществление цифровых прав по ГК и Закону о краудфандинге [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Vk9HQ> (дата обращения: 25.06.2021).
11. *Конобеевская И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав. Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334.
12. *Кулаковский В. В.* Проблемы государственной регистрации права собственности на трансформированные недвижимые объекты. Имущественные отношения в Российской Федерации. № 1 (196). С. 46–49.
13. *Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И.* и др. Цифровые права как новый объект гражданского права. Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
14. *Рожкова М. А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве. Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–13.
15. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 32–60.
16. *Савельев А. И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
17. *Черников А. Э.* Будущность права (футурологические заметки). Спиридоновские чтения. Актуальные проблемы теории права. Вып. 1–2. Научный ред. И. Л. Честнов. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института права им. принца П. Г. Ольденбургского. С. 114–138.
18. *Endicott Timothy.* Law and Language. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-language/> (дата обращения: 27.06.2021).
19. *Kolber Adam J.* Not-So-Smart Blockchain Contracts and Artificial Responsibility [Электронный ресурс]. Stanford Technology Law Review. Vol. 21. Issue 2. 198 (2018). P. 198–234. URL: [https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber\\_LL\\_20180910.pdf](https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber_LL_20180910.pdf) (дата обращения: 27.06.2021).
20. *Nakamoto S.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 27.06.2021).

## References

1. Akinfeeva, V. V. Utilitarian Digital Rights in Modern Conditions of Economic Transformation [Utilitarnye tsifrovye prava v sovremennykh usloviyakh transformatsii ehkonomiki]. Perm Law Almanac [Permskii Yuridicheskii Almanakh]. 2020. No. 3. P. 397–407 (in Rus.)
2. Arkhipov, V. V. Is Law Possible in Post-Truth Era? [Vozmozhno li pravo v ehpokhu postpravdy?]. The Law [Zakon]. 2019. No. 12. P. 56–71 (in Rus.)
3. Bagayev, V. A. It Can Be Taken as an Experiment. The Presidential Council for Codification Delved into Digital Rights. [V kachestve experimenta otritsat' nel'zya. Sovet po kodifikatsii vyasnyal prirodu tsifrovyykh prav]. Zakon.Ru Web-Site [Portal Zakon.ru] [Electronical resource]. URL: <https://clck.ru/VmrdS> (date of access: 25.06.2021). (in Rus.)
4. Chernokov, A. E. The Future Life of Law (futurological notes) [Budushchnost' prava (futurologicheskie zametki)]. Spiridonov Readings: Topical Problems of Law Theory. Iss. 1–2. Science ed. I. L. Chestnov. The Publishing House of St. Petersburg Institute of Law named after Prince P. G. Oldenburgsky [Sankt-Peterburgskii institut prava imeni Printsya P. G. Ol'denburgskogo]. P. 114–138. (in Rus.)
5. Gabov, A. V., Khavanova, I. A. Crowdfunding: Legislative Regulation of the Financing Web-Model in the Context of Legal Doctrine and Foreign Experience [Kraufunding: zakonodatel'noe oformlenie web-modeli v kontekste pravovoy doktriny i zarubezhnogo opyta]. Perm University Herald. Juridical Sciences [Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki]. 2020. Issue 47. P. 28–44. (in Rus.)
6. Endicott, Timothy. Law and Language. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronical resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-language/> (date of access: 27.06.2021).
7. Ivanov, N. V. Excercise of Digital Rights according the Civil Code and the Law on Crowdfunding [Osushchestvlenie tsifrovyykh prav po GK i Zakonu o kraufandinge]. Zakon.Ru Web-Site [Portal Zakon.ru] [Electronical resource]. URL: <https://clck.ru/Vk9HQ> (date of access: 25.06.2021) (in Rus.)
8. Kolber, Adam J. Not-So-Smart Blockchain Contracts and Artificial Responsibility [Electronical resource]. Stanford Technology Law Review. Vol. 21. Issue 2. 198 (2018). P. 198–234. URL: [https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber\\_LL\\_20180910.pdf](https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2018/09/Kolber_LL_20180910.pdf) (date of access: 27.06.2021).
9. Konobeevskaya, I. M. Digital Rights As a New Object of Civil Rights [Tsifrovye prava kak novyi ob'ekt grazhdanskikh prav]. Izvestiya of Saratov University (New Series) [Izvestiya Saratovskogo Universiteta (Novaya Seriya). Ser. Economics. Management. Law. 2019. Vol. 19. Iss. 3. P. 330–334 (in Rus.)
10. Kulakovskii, V. V. Issues of State Registration Ownership on Transformed Immovable Property [Problemy gosudarstvennoi registratsii prava sobstvennosti na transformirovannye nedvizhimye ob"ekty]. Property Relations in the Russian Federation [Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii]. No. 1 (196). P. 46–49. (in Rus.)
11. Nakamoto, S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Electronical resource]. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (daye of access 27.06.2021).
12. Novoselova, L. A., Gabov, A. V., Savelev, A. I. and others. Digital Rights — a New Object of the Civil Rights [Tsifrovye prava kak novyi ob"ekt grazhdanskogo prava]. The Law [Zakon]. 2019. No. 5. P. 31–54. (in Rus.)
13. Rozhkova, M. A. Digital Rights: Public Law Concept and the Notion in the Russian Law [Tsifrovye prava: publichno-pravovaya kontseptsiya i ponyatie v rossiiskom grazhdanskom prave]. Business and Law [Khozyaistvo i pravo]. 2020. No. 10. P. 3–13. (in Rus.)
14. Savelev, A. I. Contract Law 2.0: “Smart Contracts” and the Beginning of the End of the Classic Contract Law [Dogovornoe pravo 2.0: “umnye” kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2016. Vol. 16. No. 3. P. 32–60. (in Rus.)
15. Savelev, A. I. Some Legal Aspects of Implementation of Smart Contracts and Blockchain Technologies under Russian law [Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovaniya smart-kontraktov i blokchein-tekhnologii po rossiiskomu pravu]. The Law [Zakon]. 2017. No. 5. P. 94–117. (in Rus.)
16. Volfson, V. L. Bad Faith as a Diagnosis of Abuse of Law in the Excercise of Subjective Right [Nedobrosovestnost' kak diagnoz zloupotrebleniya pravom]. Moscow : Prospect [Prospekt]. 2019. 80 pages. (in Rus.)
17. Volfson, V. L. Correlation of *exceptio non adimpleti contractus* and *clausula rebus sic stantibus* as Ways to Restore the Balance of Parties' Interests: Theory and Modern Developments [Sootnoshenie exceptio non adimpleti contractus i clausula rebus sic stantibus kak sposobov vosstanovleniya balansa interesov: teoriya i sovremennoe razvitiye]. Leningrad Legal Journal [Leninradskiy Yuridicheskii Zhurnal]. 2020. No. 4 (62). P. 95–114. (in Rus.)
18. Volfson, V. L. Features of Abuse of Rights in a Contractual Relationship [Osobennosti zloupotrebleniya pravom v dogovornom pravootnoshenii]. Zakon.Ru Web-Site [Portal Zakon.ru] [Electronical resource]. URL: <https://clck.ru/RyGEB> (date of access: 25.06.2021). (in Rus.)
19. Volfson, V. L. Remedies Against Abuse of Rughts in the Russian Civil Law [Protivodeistvie zloupotrebleniyu pravom v rossiiskom grazhdanskom zakonodatel'stve]. Moscow : Prospect [Prospekt]. 2017. 144 Pages. (in Rus.)
20. Volfson, V. L. The Language of the Dogma: No Detour [Yazyk dogmy: obhod nevozmozhen]. The World of the Legal Science. 2012. No. 6. P. 8–19. (in Rus.)